

НАСЛЕДОВАНИЕ ГРАНИЦ КАК ПРИЧИНА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ

А.С. Соколов (Гомель, Беларусь)

Uti possidetis (лат. «поскольку владеете»), или *постимперская легитимность* (по А.Г. Дугину) – сложившийся в международно-правовой практике принцип, согласно которому новые независимые государства, возникшие вследствие распада более крупных полиэтнических государств («империй») получают ту же самую территорию и те же самые границы, которые они имели, будучи административными единицами или зависимыми территориями в составе других государств.

«Империя» чаще всего руководствуется при территориальном устройстве своих колоний сугубо административными и экономическими признаками, не учитывая ни этнические, ни религиозные, ни национальные факторы. Административные границы в рамках «империи» довольно произвольны, так как они заведомо представляют собой условные барьеры, созданные лишь для удобства централизованного контроля метрополии [3]. При создании схемы административного деления полиэтнических государств территории, населённые одним народом, могут включаться в состав различных административных единиц или в состав административных единиц более низкого порядка, чем административная единица с преобладающей долей другого народа. При этом мнение населения, проживающего на территориях, относимых центральной властью к тем или иным единицам, может вообще не учитываться даже если директивно устанавливаемая схема административного деления не находит поддержки населения [1, 2, 4]. Тем не менее, в рамках единого государства это не создаёт проблемы, так как административные границы условны и не оказывают существенного влияния на быт и экономику регионов, а регулирующая роль центра позволяет ему успешно купировать национальные и социальные противоречия в своих административных единицах.

При распаде государства и наследовании новыми государствами прежних административных границ, но уже в качестве государственных, регулирующая роль центра исчезает, однако противоречия остаются, и именно этот факт приводит к росту напряжённости, возобновлению этнополитических конфликтов, гражданских войн и долгого периода нестабильности во многих новых независимых государствах.

А.Г. Дугин указывает, что *сохранение такой «постимперской легитимности» часто приводит к тому, что один и тот же автохтонный этнос населяет территории разных постимперских государств, а в рамках одного государства проживает несколько этнических и религиозных групп. Фактически относительный баланс интересов поддерживается в таких случаях только апелляцией к внешнему фактору чаще всего к явной или скрытой мощи бывшей метрополии (или того развитого государства, которое может прийти ей на смену). Весьма показательны, что на последних этапах «освобождения» Африки Панафриканский конгресс постановил применять во всех вновь образованных государствах как раз принцип «постимперской легитимности», хотя многие большие африканские народы в частности, банту, зулусы и т.д. оказались проживающими сразу в двух или трех государствах. Это было сделано под предлогом избежания этнических, межплеменных и религиозных войн. На самом деле, речь шла о стремлении руководителей постимперской администрации сохранить свои искусственные элиты у власти, не допустив создания в процессе национального подъема новых представителей органичной национальной иерархии. Учитывая стратегическую и социально-экономическую отсталость Африки и отсутствие свежих и жизненных государственных традиций, этот подход сработал довольно успешно* [3].

Данная проблема поднималась ещё в 1917 году, когда при отделении Финляндии от России встал вопрос о принадлежности Аландских островов, входивших в состав Финляндии согласно административному делению Российской Империи. На референдумах 31 декабря 1917 года и в июле 1919 года 95% его участников высказались за вхождение в состав Швеции. Данный вопрос Советом Лигой наций был поручен разрешить комиссии авторитетных юристов. Решение комиссии заключалось в том, что «Финляндия не может требовать, чтобы будущее Аландских островов было бы таким же, как ее собственное, только потому, что эти острова формально являлись частью политической структуры в составе Российской империи» [5].

Фактически все конфликты, возникшие в государствах, образовавшихся после распада СССР и СФРЮ, основной своей предпосылкой имели тот факт, что состав их территории и границы в своё время были установлены «сверху» без какого-либо учёта исторических, национально-религиозных факторов, исключительно руководствуясь конъюнктурными соображениями, интересами и выгодами центральной власти.

К примеру, Абхазия, первоначально имевшая одинаковый статус с Грузией, в 1931 году была преобразована в автономную республику в составе Грузии; Нагорный Карабах, более 90 % населения которого являлись армянами, получил статус автономной области в составе Азербайджана (при этом в его состав не вошли некоторые территории с преобладающим армянским населением, а общая граница с Армянской ССР постепенно исчезла); территория левобережья Днестра (современное Приднестровье), до 1940 года входившая в состав Украины как автономная республика с преобладанием русского и украинского населения, включена в состав созданной на присоединённых территориях Бессарабии Молдавской ССР;

территория проживания осетин была разделена на 2 части, которые стали входить в разные союзные республики – северная часть – Северо-Осетинская АССР в составе РСФСР, южная часть – Юго-Осетинская автономная область в составе Грузинской ССР и т. д. Во всех этих случаях мнение проживающего на данных территориях населения не учитывалось.

Аналогичные случаи происходили в Социалистической Федеративной Республике Югославии (СФРЮ). Например, при образовании автономной области, а затем автономного края на территории Косово и Метохии с преобладающим албанским населением, в состав этого административного образования югославскими властями включены и населённые сербами территории к северу от реки Ибар и города Косовска-Митровица. Впоследствии при отделении Косова от Сербии под предлогом защиты албанского населения, косовские власти включили в его состав и сербские территории, только лишь в силу вышеуказанной причины. Таким образом проживающее на данной территории сербское большинство стало заложником административного деления полувековой давности, испытывает этническую дискриминацию и лишено права национального самоопределения и проживания в пределах своего государства.

При получении независимости других бывших югославских республик – Хорватии и Боснии и Герцеговины также были полностью проигнорированы территории с иным этническим составом. Хорватские и боснийские власти решили в неизменном виде наследовать соответствующие административные границы, созданные в рамках единой Югославии без учёта историко-этнических факторов, лишив, тем самым прав на самоопределение другие народы, оказавшиеся в пределах соответствующих территорий. Это вызвало кровопролитную гражданскую войну, создание ряда непризнанных государств – Республики Сербской, Республики Сербской Краины, Республики Западной Боснии, Хорватской Республики Герцеговина. Однако попытки сербов реализовать своё право на самоопределение в районах с сербским большинством были подавлены с помощью интервенции НАТО и поддерживаемых им отрядов хорватов и мусульман, и сербские земли в 1995 году были окончательно включены в состав других государств согласно схеме административного деления бывшей Югославии.

Примечательно, что в значительном числе случаев историография и политическая идеология новых постсоветских независимых государств отрицательно оценивают пребывание в составе СССР, особенно в довоенное время («сталинский период») и призывают отказаться от советского наследия под предлогом восстановления «исторической справедливости», однако при этом такую «справедливость» категорически отказываются распространять на полученные в данный период территории, являющиеся неотъемлемой частью этого наследия.

Так в разное время различные советские республики решениями центральных властей СССР получали значительные по площади земли главным образом за счёт РСФСР или вновь присоединённые к Советскому Союзу. К их числу относятся Литва (получила Вильнюс и часть Виленского края в 1939 году), Беларусь (получила из РСФСР территории, входящие в настоящее время в состав Гомельской и Витебской областей в 1924 и 1926, а также территорию Западной Беларуси в 1939), Украина (получила ряд территорий Донбасса в 1920, часть Курской, Брянской, Воронежской губерний в 1925–1926, Восточную Галицию в 1939, Северную Буковину и Южную Бессарабию в 1940, Закарпатье в 1945, Крым в 1954), Казахстан (вся территория была отделена от РСФСР в 1936 году, включая территории на севере с подавляющим большинством русского населения), Узбекистан (получил из состава РСФСР Кара-Калпакскую автономную область, в которой узбеки составляли менее трети населения, в 1936) и так далее.

После распада социалистических федераций, существенные территории с преобладанием русского, сербского, армянского, абхазского, осетинского и т. д. населения были включены в состав новообразованных государств либо эти государства имеют на них притязания лишь только на том основании, что в период существования государств-предшественников данные территории по различным, независимым от них причинам были включены в состав административных образований с иным преобладающим этносом.

Таким образом, при обретении независимости различные народы были поставлены заведомо в неравные условия, когда право на реализацию политического суверенитета и создание своего государства ставилось в зависимость от административно-территориальных схем, созданных много десятилетий назад силами, не имевшими отношения к данным регионам и не учитывавшими их специфики. Эта очевидная несправедливость и нарушение равенства прав народов породила вооружённые конфликты, попытки (удачные или неудачные) отделения отдельных территорий от новообразованных государств с целью создания своего государства или присоединения к уже существующему, этнические чистки, с помощью которых новообразованные этносы, реализовавшие своё самоопределение в виде создания государств, пытались исключить это право у этносов, попавших в пределы этих государств вследствие наследования существовавших ранее административных границ распавшихся стран.

1. Анненков К.Н. Гомельская губерния 1924-1926 годов: возвращение в состав БССР / К.Н. Анненков // Беларусь в современном мире : материалы VII Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Гомель, 22 мая 2014 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2014. – С. 20-23.
2. Государственные границы Беларуси : сб. документов и материалов. В 2 т. Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926) / сост. : В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – 495 с.

3. Дугин, А.Г. Основы геополитики / А.Г. Дугин. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 928 с.
4. Терехов, О. Перетягивание границ: как большевики делили Гомельскую губернию между Россией и Белоруссией / О. Терехов // Родина. – 2001. – № 10. – С. 81-83.
5. Томсинов, В.А. «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией / В.А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11: право. – № 5. – 2014. – С. 3-32.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Т.Г. Соловей (Минск, Беларусь)

Конец XX - начало XXI вв. отмечены усилением правых и особенно крайне правых политических сил во многих странах Западной Европы. Заметным событием последних десятилетий стал электоральный успех партий, использующих праворадикальные лозунги и националистическую риторику.

О новой «ультраправой волне» заговорили в 1999 г., когда *Австрийская партия свободы* под руководством Йорга Хайдера получила на парламентских выборах почти 27% голосов избирателей, и праворадикальная партия впервые в послевоенной Европе приняла участие в формировании правительства. Вслед за Австрией праворадикалы были привлечены к работе правительства в Нидерландах («*Список Пима Фортейна*»), Дании (*Датская народная партия*), Норвегии (*Партия прогресса*).

В 2002 г. лидер *Национального Фронта* Ж.-М. Ле Пен вышел во второй тур президентских выборов во Франции. В 2017 г. его дочь Марин Ле Пен получила во втором туре очередных президентских выборов 33, 9% голосов избирателей.

В 2010 г. в Бельгии первое место по числу голосов (17,4%) и полученных мандатов на федеральном уровне занял правопопулистский *Новый фламандский альянс*, а на парламентских выборах в Швеции впервые в истории страны в парламент вошла крайне правая партия - *Шведские демократы*. По итогам выборов 2015 г., а затем и досрочных выборов 2017 г. третьей по величине фракцией в парламенте Великобритании стала *Шотландская национальная партия*. На парламентских выборах 2017 г. в ФРГ 12,5% голосов набрала правопопулистская партия *Альтернатива для Германии* (третье место).

В общеевропейском масштабе тенденцию поправки подтверждают результаты выборов в Европейский парламент в мае 2014 г. Расширили свое представительство радикал-националисты и евроскептики. Значительного успеха в своих странах добились британская *Партия независимости* (27,8% голосов), Датская народная партия (26,6%), Национальный Фронт во Франции (25,1%), Партия свободы Нидерландов (13,2), «Истинные финны» (12,9%) и др.[1]. Партия независимости Соединенного Королевства и ряд других партий-евроскептиков (итальянская «Пять звезд», «Шведские демократы» и др.) сформировали в Европарламенте политическую группу *Европа за свободу и прямую демократию* (48 мандатов). Праворадикальные националистические партии (Национальный Фронт из Франции, Фламандский интерес (Бельгия), чешская Гражданская Консервативная партия, Лига Севера (Италия) и др.), сумели создать в 2015 г. свою фракцию *Европа наций и свобод* во главе с Марин Ле Пен.

Радикализм (от лат. "radix" - корень) - социально-политические идеи и действия, направленные на решительное, кардинальное, «коренное» изменение существующих общественных институтов. Правый радикализм в современной Европе охватывает достаточно широкий спектр политических сил. В Австрии, Дании, Италии, Норвегии, Швейцарии, Польше крайне правые партии являются встроенными в политические институты, нередко участвуют в правительственной деятельности. В других случаях правые радикалы (Национальный фронт во Франции, Британская национальная партия и др.) являются антисистемными политическими партиями, ставящими под сомнение либеральные ценности и европейское строительство как таковое.

В зависимости от идеологии, целей и методов деятельности среди праворадикальных европейских партий различают сегодня крайне правых экстремистов (*Фламандский интерес* в Бельгии, *Золотая заря* в Греции, *Британская национальная партия*, *Национал-демократическая партия Германии*), праворадикальных популистов (*Партия свободы* Герта Вилдерса в Нидерландах, *Шведские демократы*), правых «альтерглобалистов» и «еврорегионалистов» (*Новый фламандский альянс* Барта де Вевера) [2, с.94].

Несмотря на определенные различия в идейно-политическом облике, праворадикальные партии разных стран объединяют такие черты, как национализм, этноцентризм, элитизм, этатизм и т.п. Общими программными установками крайне правых партий являются в настоящее время требования воссоздания утраченного единства нации, укрепления национального суверенитета и национальной идентичности, критическое отношение к мультикультурализму, к глобализации и европейской интеграции.

Возросшая активность крайне правых партий и движений в современном мире вызвана объективными социально-экономическими и политическими процессами. Мировой экономической кризис, негативные последствия глобализации, снижение роли национальных государств, проблемы иммиграции и интеграции мигрантов – все это ведет к росту популярности правых радикалов.